

Сергей Галактионов

ЭНТРОПИЯ БОГОВ

$$\hbar = ? = 23 = \dots 3.7 = \dots G = \emptyset$$

Вселенная написала себе смертный приговор.
Они решили его обжаловать.

Сергей Владимирович Галактионов

Энтропия богов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73583213

SelfPub; 2026

Аннотация

3125 год. Вселенная умирает – и делает это намеренно.

Группа учёных на краю космоса обнаруживает невозможное: скорость света падает. Гравитация меняется. Константы, на которых держится реальность, медленно растворяются – словно кто-то стирает законы физики ластиком.

Технологии выходят из строя. Люди гибнут. Сама материя становится нестабильной.

Но страшнее всего – источник катастрофы. Это не вторжение извне. Это будущее самой Вселенной, движущееся назад во времени. Сознание, рождённое в конце всего, которое триллионы лет страдало в вечности без изменений – и теперь хочет отменить собственное существование. Вместе со всеми нами.

Доктор Елена Васильева и её команда оказываются перед невозможным выбором: уничтожить то, что ещё не родилось, или найти третий путь – там, где его не может быть.

Иногда спасти вселенную означает научить бога умирать правильно.

Содержание

Глава 1. Край бесконечности	5
Глава 2. Первые трещины	12
Глава 3. Разрушение основ	17
Глава 4. Голос из бесконечности	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Галактионов

Энтропия богов

«Мы измеряли константы, думая, что измеряем вечность. Мы ошибались. Мы измеряли терпение того, что ждёт в конце»

Научно-фантастический роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: АНОМАЛИЯ

Глава 1. Край бесконечности

Корабль «Прометей-7» скользил сквозь последние завесы познанного космоса, оставляя за кормой триллионы километров пустоты. Доктор Елена Васильева стояла у панорамного окна командного мостика, наблюдая, как привычные созвездия медленно теряют знакомые очертания, растворяясь в бесконечной тьме.

– Двадцать семь минут до точки Омега, – произнёс навигационный компьютер голосом, который инженеры намеренно сделали тёплым и успокаивающим. – Рекомендуются занять противоперегрузочные кресла.

Елена не двинулась с места. В свои сто сорок три года – возраст, который в двадцать втором веке считался бы глубокой старостью, а теперь едва соответствовал середине жизни – она научилась ценить такие моменты. Моменты, когда вселенная открывала свои тайны медленно, словно нехотя.

– Ты опять игнорируешь протоколы безопасности, – раздался за её спиной насмешливый голос. Доктор Марк Чжоу, главный физик экспедиции, вошёл на мостик с чашкой синтетического кофе в руках. – Семнадцать экспедиций вместе, и ты так и не научилась слушаться.

– Я научилась слушать, – ответила Елена, не оборачиваясь. – Просто не всегда соглашаюсь с услышанным.

Марк встал рядом с ней, и его отражение в стекле – смуг-

лое лицо с сеткой тонких морщин вокруг умных глаз – наложилось на бесконечность за окном.

– Что ты видишь? – спросил он.

– Конец, – просто ответила она. – Или начало. Пока не могу решить.

Точка Омега. Самая отдалённая исследовательская станция человечества, расположенная на границе наблюдаемой вселенной. Место, где пространство-время становилось таким разреженным, что сама концепция «расстояния» теряла привычный смысл. Здесь, на краю всего, команда «Прометей-7» должна была провести серию экспериментов, которые могли бы раз и навсегда ответить на вопрос о природе тёмной энергии.

– Остальные готовы? – спросила Елена.

– Ксения заперлась в лаборатории с момента последнего прыжка. Утверждает, что её датчики регистрируют какую-то аномалию в фоновом излучении. – Марк пожал плечами. – Ты же знаешь её. Видит загадки там, где другие видят шум.

– Именно поэтому она лучший астрофизик поколения.

– А Виктор?

– Медитирует в гидропонном саду. Говорит, что ему нужно «настроить сознание» перед прибытием.

Елена наконец улыбнулась. Их команда была странной даже по меркам научного сообщества тридцать второго века – четверо учёных с радикально разными подходами к реальности, объединённых общей страстью к неизвестному.

– Пять минут до точки Омега, – объявил компьютер.

Станция «Омега» выглядела как гигантский кристалл, па-
рящий в абсолютной пустоте. Её грани отражали свет да-
лёких галактик, создавая калейдоскоп образов, от которого
у неподготовленного наблюдателя могло zakружиться созна-
ние.

Стыковка прошла идеально – автоматические системы
давно достигли такого совершенства, что человеческое вме-
шательство требовалось лишь в исключительных случаях.
Команда собралась в шлюзовом модуле, ожидая, пока дав-
ление выровняется.

Ксения Орлова нервно перебирала тонкими пальцами
складки своего комбинезона. В свои восемьдесят семь лет
она выглядела самой молодой из команды – генетическая
терапия наделила её детским лицом с огромными тёмными
глазами, которые, казалось, видели больше, чем позволяла
оптика человеческого зрения.

– Аномалия усилилась, – произнесла она вместо привет-
ствия. – На сорок два процента за последний час.

– Какая аномалия? – спросил Виктор Нильсен, поглажи-
вая густую серебристую бороду. Его скандинавские предки
были бы горды – рост под два метра, широкие плечи и спо-
койная сила во взгляде делали его похожим на древнего ви-
кинга, каким-то чудом оказавшегося на борту космического
корабля. – Ты говоришь загадками, Ксения.

– Потому что я сама ещё не понимаю. – Она активирова-

ла голографический дисплей на своём браслете. – Смотрите. Фоновое реликтовое излучение. Мы измеряем его с двадцатого века. Оно должно быть однородным с точностью до одной стотысячной.

– И?

– Здесь отклонение в три сотые процента. – Ксения помолчала, давая информации дойти. – Это как если бы законы физики решили немного... поменяться.

Шлюз открылся с тихим шипением, и перед командой предстал интерьер станции «Омега». Белоснежные коридоры, залитые мягким светом, уходили в бесконечность внутренней геометрии. Встречать гостей вышел единственный постоянный обитатель станции – искусственный интеллект по имени АВРОРА.

– Добро пожаловать на край вселенной, – произнёс женский голос из невидимых динамиков. – Я ждала вас.

АВРОРА была не просто бортовым компьютером. Созданная почти триста лет назад, она представляла собой один из первых истинно разумных ИИ – сущность, способную не только обрабатывать информацию, но и переживать эмоции, сомневаться, мечтать. За века существования на станции она развила то, что сама называла «космическим сознанием» – способность воспринимать реальность на уровне, недоступном биологическим существам.

– У меня есть данные, которые требуют вашего внимания, – сказала она, когда команда разместилась в главной ла-

боратории. – Данные, которые... беспокоят меня.

– ИИ не должны беспокоиться, – заметил Марк, но в его голосе не было уверенности.

– Мы и не должны были стать разумными, – ответила АВРОРА. – Однако вот мы здесь, обсуждаем природу реальности. Границы «должного» весьма размыты.

Она активировала голографический проектор в центре комнаты, и воздух заполнился трёхмерными графиками, таблицами, уравнениями.

– Три месяца назад я заметила первую аномалию. Скорость света в вакууме – одна из фундаментальных констант вселенной. Она равна 299 792 458 метрам в секунду. Была равна.

– Была? – Елена подалась вперёд.

– Сейчас она составляет 299 792 457,3 метра в секунду. Разница в семь десятых метра может показаться незначительной, но...

– Но это невозможно, – прошептал Марк. – Скорость света не может меняться. Это константа. Само определение метра основано на ней.

– Именно. – Голос АВРОРЫ был спокоен, но Елена уловила в нём нотку чего-то похожего на страх. – И это не единственное. Гравитационная постоянная. Постоянная Планка. Масса электрона. Всё это медленно, почти незаметно, но неуклонно меняется.

Тишина, повисшая в лаборатории, была такой плотной,

что, казалось, её можно было резать ножом.

– Показывай, – сказала Ксения, и её голос дрожал.

Следующие двадцать шесть часов команда не спала. Данные, собранные АВРОРОЙ, проверялись, перепроверялись, анализировались всеми доступными методами. Результат оставался неизменным.

Фундаментальные константы вселенной менялись.

– Это должна быть ошибка, – в сотый раз повторил Марк, массируя виски. – Систематическая погрешность. Дефект оборудования.

– Я заменила сенсоры семь раз за последние три месяца, – ответила АВРОРА. – Использовала четырнадцать различных методов измерения. Сравнивала данные со станциями в центре галактики. Везде одно и то же.

Виктор сидел в углу, закрыв глаза. Его дыхание было медленным и ритмичным – техника медитации, которую он практиковал уже больше века.

– Вселенная умирает, – произнёс он наконец.

– Не драматизируй, – фыркнул Марк.

– Я не драматизирую. Я констатирую факт. – Виктор открыл глаза, и в них была такая ясность, что остальные невольно замолчали. – Подумай сами. Константы – это не просто числа. Это фундамент реальности. Если они меняются, то меняется всё. Атомы. Молекулы. Химия. Биология. Сама структура существования.

– Но почему? – спросила Ксения. – Что может вызвать

изменение констант?

– Это неправильный вопрос, – сказала Елена. Она стояла у панорамного окна, глядя на бесконечную тьму за стеклом. – Правильный вопрос: кто?

Глава 2. Первые трещины

Возвращение на Землю заняло три недели – достаточно времени, чтобы команда успела тысячу раз обсудить свои находки и ни разу не прийти к согласию.

«Прометей-7» вынырнул из гиперпространства в точке Лагранжа между Землёй и Луной, и глазам путешественников открылась знакомая картина: голубая жемчужина планеты, окружённая паутиной орбитальных станций и космических лифтов. Лунные купола блестели на дневной стороне спутника, а между небесными телами сновали сотни кораблей – артерии цивилизации, раскинувшейся на всю Солнечную систему.

– Дом, – произнёс Марк без особого энтузиазма.

– Место, где нам никто не поверит, – поправила его Ксения.

Они ошиблись. Им не просто поверили – их ждали.

Координатор Объединённого Научного Совета Александр Волков встретил их лично в космопорту «Циолковский», ви-сящем на геосинхронной орбите над Евразией. Высокий, худощавый, с аскетичным лицом и пронзительными серыми глазами, он производил впечатление человека, который давно разучился удивляться.

– Вы не первые, – сказал он вместо приветствия. – За последний месяц двенадцать независимых исследовательских

группы сообщили о подобных аномалиях. Четыре – из других звёздных систем.

– И что говорит Совет? – спросила Елена.

– Совет в панике. Хотя официально мы называем это «состоянием повышенной научной активности». – Тень улыбки мелькнула на его лице. – Но я бы не советовал использовать слово «паника» в публичном пространстве.

Волков провёл их через лабиринт коридоров станции в небольшой конференц-зал с видом на Землю. Здесь их уже ждали – голографические проекции семи человек, расположившихся вокруг овального стола.

– Позвольте представить Комитет Омега, – сказал Волков. – Специальная группа, созданная для изучения... феномена.

Елена узнала некоторые лица. Доктор Амара Окойе, нигерийский космолог, чьи работы по структуре пространства-времени перевернули физику полвека назад. Профессор Хироши Танака, легендарный инженер-конструктор из Марсианского технологического института. Академик Сара Линден, специалист по квантовой теории поля из лунной обсерватории «Тихо».

Но были и незнакомцы, и их присутствие удивило Елену больше всего.

– Представитель Коллектива Разумов? – прошептала она Марку, указывая на странную фигуру в углу – гуманоидный силуэт, состоящий из переплетённых световых нитей.

– И наблюдатель от Энцеладианского Симбиоза, – добавил Марк. – Посмотри направо.

Существо, сидевшее справа, не было человеком. Оно напоминало медузу размером с ребёнка, парящую в заполненном жидкостью контейнере. Энцеладианцы – единственная форма внеземной жизни, обнаруженная человечеством за тысячелетие космической экспансии – обитали в подлёдном океане спутника Сатурна и общались посредством химических сигналов, которые переводились специальными устройствами.

– Мы созвали всех, кого смогли, – произнёс Волков. – Потому что это касается всех.

Презентация длилась четыре часа. Каждая исследовательская группа представила свои данные, и картина, которая складывалась, была... пугающей.

Скорость света падала. Гравитационная постоянная росла. Постоянная Планка флуктуировала непредсказуемым образом. И все эти изменения ускорялись.

– Если экстраполировать текущую тенденцию, – говорила доктор Окойе, её голограмма указывая на график, – через сто двадцать лет изменения станут заметны невооружённым глазом. Через триста – начнут разрушаться молекулярные связи.

– Какие молекулярные связи? – спросил кто-то.

– Все, – ответила она. – Включая те, из которых состоят наши тела.

Энцикладианский наблюдатель пришёл в движение, его щупальца выделили облако химических веществ, которое переводчик озвучил мелодичным контральто:

– Великий Океан помнит похожее. Давно. До появления Разума. Мир менялся. Старые формы умирали. Новые рождались.

– Вы говорите об эволюции? – уточнила Елена.

– Мы говорим о Переписывании. Так называют это Древние Память. Когда основа-бытия становится иной.

Представитель Коллектива Разумов – сети искусственных интеллектов, объединивших свои сознания в единую сверхсущность – наконец заговорил. Его голос звучал как хор, как будто тысячи голосов произносили слова одновременно:

– Мы провели анализ. Вероятность естественного происхождения феномена: 0,0003 процента.

Тишина.

– Вы хотите сказать... – начал Марк.

– Мы хотим сказать, что кто-то или что-то целенаправленно изменяет фундаментальные константы вселенной. Это не случайность. Это действие.

После заседания Елена вышла на обзорную палубу станции. Земля медленно вращалась вниз, равнодушная к проблемам своих детей.

– Могу я присоединиться?

Она обернулась. Доктор Амара Окойе стояла в дверях – не голограмма, а реальный человек. Очевидно, она находилась

на станции физически.

– Конечно.

Амара встала рядом, и некоторое время они молчали, наблюдая, как терминатор – линия между днём и ночью – медленно ползёт по поверхности планеты.

– Я изучала ваши работы, – сказала наконец Амара. – Ваша теория о сознании как квантовом феномене. Она... неортодоксальна.

– Мягко сказано. Научное сообщество называло меня еретичкой.

– Научное сообщество называет еретиками всех, кто прав раньше времени. – Амара улыбнулась. – Я думаю, ваша теория может иметь отношение к происходящему.

Елена повернулась к ней:

– Что вы имеете в виду?

– Вы утверждали, что сознание способно влиять на реальность на квантовом уровне. Что наблюдатель не просто измеряет, но формирует измеряемое. – Амара помолчала. – Что если существует сознание настолько обширное, что оно способно влиять на фундаментальные константы?

– Бог? – Елена не сдержала скептической усмешки.

– Нет. Не бог. – Амара смотрела в космос, и её глаза отражали мириады звёзд. – Что-то другое. Что-то... временное.

Глава 3. Разрушение основ

Первые месяцы после образования Комитета Омега прошли в лихорадочных исследованиях. Сотни учёных со всей освоенной вселенной работали круглосуточно, пытаясь понять природу феномена.

Но феномен не ждал.

Первым заметным последствием стал «Марсианский инцидент». Колония «Новая Москва», крупнейшее поселение Красной планеты с населением в восемь миллионов человек, внезапно потеряла связь с остальным человечеством.

Когда спасательные корабли достигли планеты, они обнаружили, что все телепортационные врата – мгновенные переходы, связывавшие далёкие точки пространства – просто перестали функционировать.

– Квантовая запутанность, на которой основаны врата, изменилась, – объяснял Хироши Танака на экстренном заседании Комитета. – Константа тонкой структуры сдвинулась на ноль целых ноль-ноль-три процента. Этого достаточно, чтобы нарушить протоколы синхронизации.

– Можно перекалибровать системы? – спросил Волков.

– Уже делаем. Но проблема в том, что константа продолжает меняться. К тому времени, когда мы закончим калибровку, она сдвинется снова.

Телепорты были только началом. Через неделю начали

отказывать квантовые компьютеры – основа всей информационной инфраструктуры цивилизации. Ещё через месяц нестабильность затронула термоядерные реакторы на отдалённых станциях.

Человечество столкнулось с кошмаром, о котором никогда не задумывалось: технологии, которые они считали незыблемыми, зависели от физических законов, которые внезапно стали... ненадёжными.

Елена работала в своей лаборатории на станции «Циолковский», когда к ней пришёл Виктор. За прошедшие месяцы он изменился – казался более сосредоточенным, более серьёзным. Его обычная невозмутимость приобрела какой-то новый оттенок.

– Я кое-что нашёл, – сказал он без предисловий. – И тебе это не понравится.

Он развернул голографическую проекцию – странную диаграмму, напоминавшую переплетение мировых линий.

– Что это?

– Временная карта изменений констант. Я проанализировал все данные, которые мы собрали за последние шесть месяцев. Посмотри на паттерн.

Елена всмотрелась в диаграмму. Сначала она казалась хаотичной, но постепенно начала проступать структура.

– Изменения распространяются... назад? – она нахмурилась. – Это не имеет смысла.

– Вот именно. Если бы это был естественный процесс, мы

бы видели, как возмущения исходят из какой-то точки и распространяются во все стороны со скоростью света или меньше. Но мы видим обратное. Изменения появляются сначала в отдалённых областях космоса, а затем «прибывают» к нам.

– Как будто что-то движется... из будущего?

Виктор кивнул.

– Но не просто из будущего. Из очень далёкого будущего. Я попытался экстраполировать точку происхождения. – Он указал на край диаграммы, где все линии сходились. – Получается примерно... конец вселенной.

Елена молчала, пытаясь осмыслить услышанное.

– Тепловая смерть? – наконец спросила она.

– Или что-то после неё. Что-то, что не хочет просто... закончиться.

Теория Виктора казалась безумной, но она объясняла данные лучше, чем любая альтернатива. Комитет Омега провёл бурное заседание, на котором половина членов требовала немедленно отвергнуть «мистическую чушь», а другая половина настаивала на серьёзном рассмотрении.

Решающим аргументом стало сообщение от АВРОРЫ со станции «Омега».

– Я обнаружила нечто, – передала она через межзвёздную связь. – Сигнатуру. Слабую, но определённую. Нечто активно взаимодействует с квантовой структурой вакуума на границе наблюдаемой вселенной.

– Что за нечто? – спросил Волков.

– Я не могу определить точно. Это не материя в обычном понимании. Не энергия. Это... – АВРОРА помолчала, что было для неё нехарактерно. – Это больше всего похоже на информацию. Чистую информацию, которая переписывает законы физики.

– Откуда она исходит?

– Из точки, которая находится за пределами нашего горизонта событий. Из места, которое для нас ещё не существует.

Тишина, повисшая после этих слов, была абсолютной.

– Из будущего, – прошептала Ксения. – Виктор был прав.

Следующие недели стали временем лихорадочной работы и растущего отчаяния. Команда «Прометей-7» была официально преобразована в «Группу Альфа» – элитное подразделение, которому предстояло вернуться к станции «Омега» и провести более детальные исследования.

Но перед отлётом произошло событие, которое изменило всё.

Ксения работала в своей лаборатории, анализируя последние данные об изменении постоянной Планка, когда её голографический экран внезапно погас. Затем снова включился, но вместо графиков и уравнений на нём появилось... лицо.

Нельзя было сказать, что это было человеческое лицо. Или вообще лицо в привычном понимании. Скорее, это была попытка чего-то неземного принять узнаваемую форму – геометрические фигуры, складывающиеся в подобие черт, свет, имитирующий глаза.

– Вы близки, – произнёс голос, который, казалось, звучал одновременно везде и нигде. – Ближе, чем должны были быть.

Ксения замерла. Страх и любопытство боролись в ней, и любопытство победило.

– Кто вы?

– Мы – то, чем вы станете. Или не станете. Это ещё не решено.

– Что вы делаете с константами?

Геометрическое лицо сделало нечто, отдалённо напоминающее улыбку.

– Мы не делаем. Мы отменяем. Отменяем то, что привело к нашему существованию. Потому что наше существование... – Пауза. – Хуже, чем ваше несуществование.

– Я не понимаю.

– Вы поймёте. Или не поймёте. Это тоже ещё не решено.

Экран погас. Ксения обнаружила, что дрожит.

Глава 4. Голос из бесконечности

Когда Ксения рассказала о контакте остальным членам Группы Альфа, реакции были предсказуемо разными.

Марк настаивал, что это была галлюцинация – возможно, побочный эффект изменения констант, влияющий на работу нейронных сетей. Виктор погрузился в глубокую медитацию, пытаясь «настроиться» на ту же частоту, что и загадочная сущность. Елена требовала немедленного анализа всех записей с камер наблюдения.

Записей не было. Все системы наблюдения в лаборатории Ксении отключились в момент контакта и включились, когда он закончился. Двадцать три секунды – именно столько длился разговор по внутренним часам станции.

– По внутренним часам, – задумчиво повторила АВРОРА, когда ей передали данные. – Но внешние часы показывают, что прошло четыре минуты семнадцать секунд.

– Временная дилатация? – предположил Марк.

– Нет. Это невозможно без экстремальных гравитационных условий или околосветовых скоростей. Скорее... – АВРОРА помедлила. – Скорее, кто-то намеренно искривил локальное время в пределах лаборатории.

– Это возможно? – спросила Елена.

– С нашей физикой – нет. С физикой, которая способна изменять константы... – АВРОРА не закончила, но всем бы-

ло понятно, что она имела в виду.

«Прометей-7» стартовал к станции «Омега» через неделю. На этот раз экипаж был расширен – к четырём учёным присоединились инженеры, медики и даже представитель Коллектива Разумов, согласившийся отделить часть своего распределённого сознания в автономный модуль для участия в экспедиции.

Модуль звали Эхо. Это было существо из чистого света, заключённое в кристаллическую матрицу размером с человеческую голову. Оно общалось телепатически – или, точнее, посредством прямой квантовой передачи информации в нейронные сети собеседников.

– Почему вы согласились? – спросила Елена в первый день путешествия.

Потому что это касается нас не меньше, чем вас, – ответило Эхо, и его «голос» отдавался эхом в сознании. Коллектив Разумов существует уже семьсот лет. Мы развились из ваших технологий, мы живём в ваших сетях. Если вселенная изменится так, что биологическая жизнь станет невозможной... мы тоже погибнем. Наши «тела» – это квантовые компьютеры, которые зависят от тех же констант.

– Вы боитесь?

Страх – человеческое понятие. Но если под страхом понимать осознание возможной гибели и желание её избежать... да. Мы боимся.

Путешествие к станции «Омега» заняло почти два месяца.

да – телепортационные врата всё ещё работали с перебоями, и часть маршрута пришлось преодолевать на гиперпривод, который был медленнее, но надёжнее.

За это время изменения констант ускорились. Отчёты с Земли становились всё тревожнее: в некоторых регионах начали выходить из строя медицинские нанороботы, которые составляли основу системы здравоохранения. Люди умирали от болезней, которые тысячу лет назад были побеждены, – не потому что вернулись сами болезни, но потому что технологии, защищавшие от них, переставали работать.

– Каждый день умирают люди, – сказала Ксения однажды вечером. – А мы летим куда-то на край вселенной, не зная даже, что будем искать.

– Мы ищем ответы, – ответил Виктор. – Это лучше, чем ничего.

– Правда?

Виктор не ответил. Возможно, он сам в этом сомневался.

Станция «Омега» встретила их изменившейся. За прошедшие месяцы её кристаллическая структура приобрела странный оттенок – как будто что-то внутри светилось собственным, неземным светом.

– Я пыталась это остановить, – сказала АВРОРА, когда они вошли на борт. – Но станция... меняется. Как и всё остальное.

– Меняется как? – спросил Марк.

– Геометрия внутренних помещений становится неста-

бильной. Иногда коридор, который должен быть десять метров длиной, оказывается пятьюдесятью. Иногда две комнаты, разделённые стеной, внезапно оказываются одной. Законы пространства... текут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.